

КОНТИНЕНТ 29

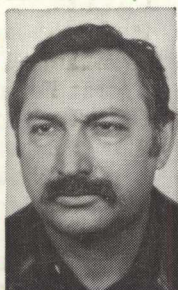
КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

Напрашивается параллель между всякой идеологией — расовая, классовая, сословная, клерикальная — осемью лет спустя пережил Андре Жид. нована на логике самопознания, са-

Эти два писателя монопольно, самопринципиально возвеличивания и различиях всем... полностью лишена. Но их вдохновляла интуиция, этого та же самая искренимость, жажда чужое, понять, что истинное чувство морального зла, источник вражды является реальное у А. Жид, автора «Имморалиста»...

Борис Суварин

Фридрих Горенштейн

Детства опара. Ветрянки
зеленый цветок,
Да на воде подсолонной
тюря.
Выйдешь — торчок
во дворе «воронки» —
Наши мужчины охочи
до тюрем.

Дом, дом, немцами
строенный дом,
Влажный барак. Мож-
но купить за пятак

Завиток из пластмассы,
Можно до ночи катать-
ся на карусели
железной.
Мы засыпаем без слез.
Девять душ в конуре.
Тесно.

И среди нас расцветают
искусства:
Вот инвалид — гнет
подвески для люстр...
Елена Игнатова

Коммунисты создали сверхдержаву, «Никого не осталось» — означает: не намного превосшедшую все, чего су-осталось евреев... целые города (Ки-мели достичь цари, правившие Рос-ев, Одесса, Черновцы, Кишинев), це-сией. У поборни-тые республики ков великодержа- (Грузия, Узбеки-вия, для которых стан) и целые стра-величие и могуще-ны (Латвия, Литва) ство — синонимы потеряли «своих» и самоцель или евреев. Не являет-главная цель, нется ли это «оконча-почвы для идейной тельным решением борьбы с совет-еврейского вопро-ской властью... са» по-советски?

Виктор Каган

Майкл Скэммел

Главный редактор: Владимир Максимов
Заместитель главного редактора: Виктор Некрасов
Ответственный секретарь: Наталья Горбаневская
Заведующая редакцией: Виолетта Иверни

Редакционная коллегия:

Раймон Арон · Ценко Барев · Джордж Бейли
Сол Беллоу · Николас Бетелл · Энцо Беттица
Иосиф Бродский · Владимир Буковский · Ежи Гедройц
Александр Гинзбург · Пауль Гома
Густав Герлинг-Грудзинский · Корнелия Герстенмайер
Петр Григоренко · Милован Джилас · Эжен Ионеско
Артур Кестлер · Роберт Конквест · Наум Коржавин
Эдуард Кузнецов · Николаус Лобковиц
Михайло Михайлов · Эрнст Неизвестный · Амос Oz
Андрей Сахаров · Виктор Спарре · Странник
Юзеф Чапский · Александр Шмеман
Карл-Густав Штрём · Пьер Эмманюэль

Корреспонденты «Континента»

- Англия Владимир Тельников
Wladimir Telnikov, 50 The Drive Mansions,
Fulham Rd., London S.W. 6
- Израиль Михаил Агурский
Michael Agoursky, P.O.B 7433,
Jerusalem, Israel
- Италия Сергей Рапетти
Sergio Rapetti, via Beruto 1/B
20131 Milano, Italia
- США Юрий Ольховский
Yuri Olkhovsky, 3319 Ardley Court
Falls Church, Va. 22041, USA
- Япония Госуке Утимура
Higashi-Yamato, Hikariga-oka 10-7
189 Tokyo, Japan

Присланные рукописи не возвращаются, и в переписку по этому поводу редакция не вступает.

КОНТИНЕНТ

Литературный, общественно-политический
и религиозный журнал

29

Издательство «Континент»
1981

Россия и действительность

Виктор Каган

ДВА ОБРАЩЕНЦА

I

Из письма:

«О судьбе Дивнича я узнал из статьи С. Пирогова «Волк у твоего горла. Творческая лаборатория КГБ» («Время и мы» № 20). Только версия Пирогова, по-моему, слишком простая и лестная для КГБ. Дивнич был одним из четверых, кому в 71-й в виде особого уважения дали место вне очереди на нарах. Когда мы с Вами встретились на воле (18. 1. 65), Вы еще сказали о нем, что такой принципиальный человек едва ли мог уцелеть. Думаю, что его «обращение» — один из примеров конвергенции с советской властью определенной части русских и белых эмигрантов, антисоветских по форме, советских по содержанию. Еще более яркий пример — В. В. Шульгин, который ни на волос не изменился с тех пор, как писал «Дни» и «1920 год» (доказательство — кинофильм «Перед судом истории»), и тоже сделался советским патриотом. По-моему, и с Шульгиным, и с Дивничем произошло одно и то же и по тем же причинам, и именно потому, что оба они и в самом деле были людьми принципиальными».

71-я — камера Бутырки, где судьба свела меня с Евгением Ивановичем Дивничем летом 1946 года. А. И. Солженицын впоследствии с особой теплотой вспоминал об этой камере и уважительно о Дивниче*.

Люди там были очень разные.

А. И. Солженицын, у которого тогда еще было все в будущем.

* «Архипелаг ГУЛАг», т. I, глава «С острова на остров». Уникальная память изменила ему, сколько могу судить, лишь в одной мелочи: назвал номер камеры 75 вместо 71. Дивнич один раз назван Алексеем вместо Евгения, но это, очевидно, просто описка или опечатка.

Н. В. Тимофеев-Рессовский, уже тогда ученый с мировой известностью.

В. Ф. Клепнер, композитор, автор популярной одно время песни «Морячка», осужденный вторично после того, как два года пробыл в лагере.

Старичок-богослов, от которого на следствии так и не сумели добиться ни одной подписи. Один из следователей перед ним почти извинялся:

— Но поймите, я же не могу писать в протоколе иначе.

Другой пробовал его просвещать:

— Откуда ты взял, что был Христос? Ведь ты Его не видел.

— А откуда вы взяли, что был Петр I? Ведь вы его тоже не видели. — Что Иисус был евреем, этот богослов почему-то отрицал.

Скромный почтовый чиновник, типичный «маленький человек». Сорок с лишним лет просостоял в партии и... написал по партийной линии, как и положено по уставу партии, что не все у нас в порядке. Во время следствия пришлось оказывать ему медицинскую помощь: настолько сильным было потрясение от встречи с реальным воплощением идей, которым он поклонялся так много лет.

Некий Александров, здоровенный детина, большеротый, большешоковый, лысый, как колено. Рассыпался передо мной в любезностях, когда я обыграл в шахматы австрийца: ему, русскому, особенно приятна победа над этим отвратительным типом. Бернгард, бывший чемпион Вены по бриджу, был обыкновенным средним человеком и мне внушал даже некоторую симпатию. Когда вызвали «с вещами» старика-немца, Александров вырвал у него немецко-русский словарь: «раскурим!» Я было запротестовал, но меня не поддержали, да и произошло все как-то очень быстро. Через несколько часов старика вернули в камеру, и Александров вернул ему словарь. Мне рассказали, что Александров одно время создал вокруг себя нечто вроде блатной компании, но был уличен в краже продуктов из чьей-то передачи, бит и после того поприжал хвост.

Некий Рудык. Находясь в фильтрационном лагере, донес на сидевшего вместе с ним поляка. Тот в камере громогласно его обвинил, и Рудыка согнали с нар, хотя он был хромым и ходил с палкой. Потом, когда снова подошла очередь, его все же пустили на нары.

И еще было много, много других, всех не припомнить. Про некоторых написал Солженицын.

Шесть лет спустя, в 1952 году, на Ленинградской пересылке дышалось почти вольготно. Прибалтийцы — участники сопротив-

ления — говорили: «У нас в камере советской власти нет», — и не стеснялись в высказываниях.

— Хороша русская капуста: кинул в воду, и готовы щи. Вот из эстонской без мяса не получаются.

Эку, привезенному из спецлагеря, сказали в камере десятилетников, что надо быть осторожнее: есть стукачи. Он ответил:

— А вы мне скажите, кто стукач, я его тут же удавлю.

В 1946 году в 71-й ничего похожего не было. Не помню ни одного резкого высказывания «против». Никому из нескольких, говоривших мне, что Петров — несомненный стукач, не приходило в голову хотя бы согнать его с нар. Думаю, причина была не столько в недостатке смелости, сколько в том, что даже те из нас, кто понимал свою неприемлемость для советского строя, все же не осознавали себя врагами этого строя. А чтобы предпринять действия против такого Петрова, нужно чувствовать себя не только врагом, но еще и борцом. И борьба должна достичь достаточно высокого накала, чтобы стерлась разница между доказанным обвинением в стукачестве и подозрением, пусть даже переходящим в уверенность.

В основном тон в камере задавали все же люди порядочные, и отношение к человеку определялось его личностью, а не внешними атрибутами. Многие годы, желая оценить кого-либо «по гамбургскому счету», я прикидывал мысленно: а вот если содрать с него все чины и звания и впихнуть в тогдашнюю 71-ю — дадут или не дадут ему без очереди место на нарах?

II

Небольшая голова с густыми, торчащими черными волосами, короткая бородка — не треугольная, «вредительская», а прямоугольная, клинышком — на круглом лице. Вид вполне безобидный, даже немного комичный. Таким помнится мне Дивнич, вошедший в камеру. И вдруг: срок 20 лет. «Гуманный» указ о замене смертной казни 25-летним сроком вышел годом позднее. «Вышку» заменяли «червонцем», и сроки больше 10 лет были еще в диковинку.

* * *

— Меня собирались сначала судить в Верховном суде СССР, потом спустили в инстанцию пониже, потом еще пониже, пока не дошли до Московского городского суда. Тот и дал 20 лет. А так бы повесили.

Людей, устоявших перед нажимом следствия, я встречал и раньше. Дивнич достиг большего: сумел обойти следствие, и тем спас свою жизнь. В те два года повесили многих бывших деятелей белого движения и эмиграции, и для следствия было немалым соблазном примазать к какому-нибудь из таких громких дел бывшего лидера Национально-трудового союза. Но Дивнич сумел спланировать под наименьшим углом.

* * *

Поговорив немного со старым большевиком, бывшим почтовым чиновником, Дивнич подытожил:

— Очень забавно слушать этого старичка. Сам себе на ... наступил и встать не может.

* * *

Не помню в какой связи Дивнич сказал:

— У русского народа есть одно очень нехорошее свойство.

Солженицын оживился:

— Какое?

Дивнич ответил, что всякий иностранец, пожив немного в России, перестает чувствовать себя иностранцем, а в любой другой стране он всю жизнь остается чужаком. Мне Дивнич потом сказал, что Солженицын, должно быть, хотел его поймать, «но я его, наверное, сильно разочаровал». Солженицын написал в «Архипелаге», будто Дивнич был православным проповедником. Не потому ли, что не доверявший никому Дивнич ввел его в заблуждение?

* * *

Дивнич рассказал, что руководил «молодежным сектором» НТС. Во время войны составил записку о политике по отношению к русскому населению, которая была представлена самому Гитлеру, но, к сожалению, не возымела действия. До войны НТС планировал убить Троцкого: убрать видного врага и на весь мир заявить о себе. Но возникли организационные неполадки, исполнитель был выбран неудачно, и затея провалилась. Один из членов НТС разбрасывал в Москве листовки. Схваченный, он держался на следствии прямо, говорил: «я вас всех ненавижу» — и был расстрелян. Другой участвовал в террористическом акте: в зал заседаний в Доме Ленинградского партактива была брошена бомба. Он сумел уйти назад через границу.

Это покушение было, помнится, в конце двадцатых годов, и я слышал о нем тогда же. В тот день шли одновременно два заседания. Покушавшиеся по ошибке попали в зал, где шло менее важное заседание. Бомба ранила нескольких человек, их всех вылечили. Ленинградскому прокурору В. П. Позерну вогнало в ногу обломки табуретки. Лет через десять его — уже без промаха — уничтожили «свои».

* * *

В камере действовал своего рода лекторий или семинар. Каждый день кто-либо делал сообщение на знакомую ему тему, которая могла привлечь какое-то количество слушателей.

Помню, Клепнер прочитал лекцию об экспрессионизме.

Солженицын прочитал блестящую лекцию о звуковой разведке в артиллерии.

Тимофеев-Рессовский, сразу ставший душой нашего семинара, рассказал о жизни в Америке. Потом для более узкого круга интересующихся провел цикл лекций-бесед по биофизике и генетике. Их содержание примерно соответствовало тому, что опубликовано в книге Э. Шредингера* «Что такое жизнь с точки зрения физики?», кстати, со ссылками на работы Тимофеева.

* Эрвин Шредингер — один из основоположников квантовой механики, нобелевский лауреат.

Дивнич прочел лекцию о Сербии, где прошла его юность. До сих пор жалею, что проспал начало. Вроде ничего особенного он не говорил, а все как-то само лезло в уши. И был он динамичный, лицо словно искрящееся. Похожее впечатление много лет спустя произвел на меня Солженицын, уже прославившийся на весь мир и обойденный Ленинской премией.

— Серб, хоть самый образованный, все равно остается сербом. Жена не угодит — поколотит.

— Принято думать, что самая резкая ругань — русская матерщина. На самом деле она занимает второе место в мире вслед за сербской.

— Знакомый серб хвастался сыном: ему только два года, а ты послушал бы, как он говорит матери «...ти мать!»

— Сербы очень любили своего короля, но часто говорили «...ти краль!» Они кого любят, того и ...

— Сербы очень гордятся родством с Россией, и когда услышали, что русские за Тито, то и они стали за Тито.

Я никогда не был в Сербии, и до сих пор мое представление о ней — это, в основном, смутный художественный образ, созданный лекцией Дивнича.

* * *

— Я убежденный монархист. Людям необходима монархия, символ. Идеальным монархом был бы дрессированный медведь, который только прикладывает бы к бумагам лапу вместо печати.

Это была, конечно, шутка, но лишь отчасти. Мне сперва показалось дико. Потом подумал, что, скажем, государственный герб — такой же, в сущности, символ, как и отпечаток медвежьей лапы.

* * *

— Я и на следствии говорил, что государственный строй может быть только монархическим, спрашивал: а что, Сталин разве не монарх?

Такая работа под Швейка, видимо, и спасла Дивнича от виселицы.

* * *

Однажды устроили чтение стихов.

Солженицын прочел Есенина: «Письмо к женщине» и, кажется, «Клен ты мой опавший». Читал с чувством, до сих пор помню некоторые интонации.

Дивнич сперва прочел «Князь Репнин» А. К. Толстого. Мне эта вещь была знакома, и — хотя и прочитанная с пафосом истого монархиста — она меня оставила равнодушным. Кажется, и других слушателей тоже. Дивнич прочел «Девушка пела в церковном хоре», и у меня возникло чувство, будто это про нас, сидящих здесь. Я тогда услышал эту вещь впервые, и впервые Блок дошел до меня. Потом был «Гимн торжествующей свиньи» какого-то французского автора. Слова свиньи вроде «что, Родина? — плевать!» и еще что-то в том же духе вызвали общее оживление, явно показались очень смелыми, даже крамольными. Тогда Дивнич с таким же подъемом прочел похабного «Прова Фомича» — и все отключились от «Свиньи».

* * *

— Николай II был ничуть не хуже любого нынешнего премьера или президента на Западе.

Ответ на замечание, что самодержавие — бедствие, если самодержец такое ничтожество, как Николай II. Дань не справедливости к Николаю, а неприязни к Западу. Пренебрежение логикой: премьеры и президенты, будь они и ничтожествами, не могут натворить таких бед, так как не располагают самодержавной властью.

* * *

— Беда России, что почти все русские цари были слабохарактерными. Вот сейчас у власти характер действительно сильный.

Признание силы добродетелью независимо от того, на что она направлена, — важный шаг к принятию советского строя.

* * *

— Пушкин, Лермонтов, конечно, великие писатели, но самым замечательным человеком той эпохи был все-таки Николай I. А возьми верх декабристы, они бы таких дров наломали...

Последние слова заставили меня тогда едва ли не впервые задуматься о разнице между сочувствием и состраданием, жалостью. Но мысль, будто Россия жива была не Пушкиным, а Николаем, т. е. не культурой, а солдафонством и бюрократией, прямо ведет к воспеванию «мерной поступи железных батальонов пролетариата».

* * *

— Никогда не верю в коллектив, он всегда рассыпается.

По советским понятиям, коллектив — это человеческое стадо, которое должно дружно «участвовать в мероприятиях»: посещать собрания, ходить на демонстрации, ездить на сельскохозяйственные работы и т. п. Всякие другие — в особенности правозащитные — коллективные действия пресекаются всеми средствами: от организации уголовных нападения до судебных расправ. Дивнич был недалек от тех, кого считал тогда своими антагонистами.

* * *

— Талейран был необыкновенным человеком и имел право пренебрегать обычной моралью. Меня поразил его рассказ в «Воспоминаниях», как он в детстве, не согласясь с прочитанным в книгах, всегда считал правым себя, потому что авторов перед ним не было и возражать ему было некому.

Культ силы в области морали и, в сущности, апология советского метода спора: «ты ему цитату, а он тебе ссылку» (Радек о Сталине).

* * *

— Неограниченный рост концентрации капитала — чепуха. Мелкий производитель никогда до конца не поглощается и не вытесняется крупным.

Эту мысль Дивнич даже доказывал, что было для него совсем необычно. Из его доказательства помню только соображение о личной связи мелкого производителя с потребителем.

* * *

— Чем верить Марксу, что основа всего в желудке, уж лучше верить Фрейдю, что она немного пониже.

Это был не демагогический прием, а добросовестное незнание марксизма. Вообще же техникой спора Дивнич, по-видимому, владел хорошо. Помню, я от него слышал термин «теория спора».

* * *

— Евреи великий народ. Они дали миру две полярные крайности: Иисуса Христа и это исчадие ада Карла Маркса.

* * *

— Мне очень хочется понять советских людей. Вот два офицера-власовца приехали в тыл на отдых. Русские эмигранты тепло их встретили, познакомили с немкой, соломенной вдовой, у которой муж был на фронте. Та пригласила их на чашку чая и, естественно, включила для русских гостей русское радио. В Германии только запретили слушать вражеские радиопередачи, а приемников не отбирали. Через короткое время женщину арестовали, а когда через несколько месяцев выпустили, выяснилось, что ее обвиняли в распространении советских радиопередач. Мы заподозрили, что на нее донесли русские гости. А те и не подумали отпираться: «Помилуйте, она включает советское радио для людей, которых видит впервые, зная, что это строго запрещено. Ясно, что это провокация, и необходимо себя обезопасить». Поразительно, как это им ни разу не

пришло в голову, что она могла просто принимать их за порядочных людей, которых не нужно бояться.

Дивнич и тогда уже понимал, что недостаточно перестать быть советским гражданином, чтобы перестать быть советским человеком. Только впоследствии он ту же самую постоянную готовность к предательству стал называть «обостренной заботой о безопасности государства», «бдительностью» и вменять в добродетель.

* * *

— Каждый народ заслуживает свое правительство — это всегда говорят европейцы про Россию.

* * *

— А ведь русский человек, правда, особенный. Спросите у немца, почему были изгнаны из рая Адам и Ева. Он скажет: потому, что нарушили запрет. *Verboten* — и все тут. А русский скажет: потому, что захотели стать как боги.

Предубежденный в пользу всего русского и против всего западного, Дивнич не заметил, что его «немец» ответил на вопрос точно, а «русский», спрошенный об одном, говорит о другом. Адам и Ева нарушили запрет потому, что хотели стать, как Бог, а Бог изгнал их из рая потому, что они нарушили запрет.

* * *

В камеру вошел новый зэк, бывший полковник, под начальством которого раньше служил Александров. Тот кинулся к нему с распростертыми объятиями и втиснул рядом с собой на нары. Кто-то из очередных запротестовал, но его не поддержали.

Дивнич сказал:

— Это не по праву, а по правде. Западные люди стараются делать все по праву, а русские — по правде.

Полковник не был одним из четверых, о которых упомянуто в письме, и случай запомнился только из-за фразы Дивнича. Она удивительно емкая. В ней квинтэссенция фразеологии всех, кто подрывает и разрушает право. В ней бальзам для «раба, приукра-

шивающего и оправдывающего свое рабство». И она дает ключ к пониманию, как Дивнич стал обращенцем.

* * *

Лекции, сообщения бывали и скучными. Но ничего не было нуднее «вечера анекдотов». Запомнился анекдот, рассказанный — а возможно и сочиненный — Дивничем.

— Китаец предлагает тост за чашу мудрости. Англичанин — за британский флаг. Японец — за восходящее солнце. Русский: А я пью за русского медведя, который на... в чашу мудрости, подтерся британским флагом и повесил его сохнуть на восходящем солнце.

Для такого «русского» громители любой культуры — хоть бы и русской — вполне свои ребята. Симпатии Дивнича были всецело на стороне «русского», и в этом свете его обращение теперь представляется мне естественным и закономерным. Тогда я ни о чем таком, конечно, не думал.

* * *

— Вы все стараетесь доказывать, мыслить рационально. А это ничего не дает. Мы накануне полного краха рационального мышления. Ведь как часто бывает, что, скажем, простая женщина по какому-то наитию высказывает правильное суждение о совершенно незнакомом человеке.

Эквивалент или, если угодно, ближайшее следствие идеи о независимости мышления от реальной жизни, которую я не раз встречал и позднее.

* * *

— Сколько будет еще длиться это царство торжествующего зла? Года два, не больше. Почему я так думаю? Просто так чувствую. Я бы мог выставить много фактов и доводов, но на самом деле все они были бы подобраны, подогнаны задним числом, чтобы подтвердить то, в чем я уверен и так.

Идея, лежащая в основе пропаганды, т. е. мышления по принципу «куда хочу, туда ворочу». Тесно связана с предыдущей и вкупе

с нею составляет суть суррогата мышления, который я называю антиинтеллектуализмом. Я имею в виду превращение мышления из инструмента для познания и руководства к действию в подобие «адвоката-купленной совести», который все равно с пеной у рта защищает клиента, будь тот хоть прав, хоть кругом виноват. Антиинтеллектуализм несомненно был «философской основой» конвергенции Дивнича с советской властью. И он же на годы затормозил этот процесс, мешая ему увидеть, что идейных разногласий с КПСС у него нет.

*
*
*

Когда меня вызвали «с вещами», Дивнич тепло простился со мной, сказал, что в камере не осталось больше никого интересного для него. Я долго гордился его отношением. Это был человек, способный не только стоять, а и сидеть за идею, человек, хоть как-то боровшийся с машиной, перед которой мы все чувствовали себя тогда кроликами. И его «советское содержание»: антиинтеллектуализм, квасной патриотизм, «символический монархизм» — отступало на задний план. Он был несомненно харизматической личностью, способной увлекать за собой. Вероятно, он не соврал, когда сказал мне однажды, что среди тех, кем он руководил, были такие, кто повторял его имя даже во сне. Не обольщайтесь: прямую речь во всех подробностях я не помню. Но смысл, содержание всех высказываний переданы точно. Не могу воссоздать на бумаге образ Дивнича, каким он сохранился в моей памяти, но собранные здесь по крохам штрихи все же дают о нем некоторое представление.

III

И вот я узнал печальный эпилог истории моего бывшего соседа по камере. Передо мной книжка Дивнича «НТС, нам пора объясниться!» и статья Пирогова «Волк у твоего горла» — об этой книжке.

Можно сомневаться, прав ли Пирогов, утверждая, что книжка вышла не в 1968 году, как значится на обложке, а десятью годами позднее. Но нет сомнений, кто такие издавшие ее «соотечественники». Судя по отсутствию сколько-нибудь значительных конкретных

фактов, они немало потрудились над редактированием, хотя текст демонстрирует очень натянутые отношения с русским языком. Впрочем, не исключая, что это литературный прием, расчет, что читатель примет малограмотность за правдивость и откровенность.

* * *

*

«Биографическая справка» сообщает: родился в семье офицера царской армии, погибшего на фронте в первую мировую войну. В 1920 г. эмигрировал вместе с семьей в Югославию. В 1928 г. окончил русский кадетский корпус. С 1934 по 1940 год был председателем правления НТС. При освобождении Югославии от немецкой оккупации был арестован и осужден советским судом. Умер 11 ноября 1966 г. Последнее местожительство — Иваново.

* * *

*

В книжке о деятельности Дивнича в НТС почти ничего конкретного не сказано. Не назван даже его пост. Председателем НТС назван Байдалаков, неприязненные отношения с которым были одной из причин выхода Дивнича из НТС в марте 1940 г. Сказано, что в конце войны Дивнич не захотел эвакуироваться с немцами и остался в Югославии. Рассчитывал пробраться в Россию и там либо «активно включиться в борьбу за изменение существующего строя», либо, если попадет в лагерь, «развернуть систематическую антисоветскую работу в самой гуще идейно направленного против существующего строя отборного элемента» (стр. 57). Названа дата ареста — 17 октября 1944 г. «Не стоит описывать, как я был арестован, самолетом доставлен в Москву, ход двухгодичного тяжелого следствия на Лубянке и в Лефортовской» (стр. 59). Неоднократно упоминается о подпольной антисоветской деятельности в лагерях и о трех судимостях, но не говорится, в чем конкретно состояла деятельность, и не сообщается содержание судебных приговоров. О третьем (1959 г.) сказано лишь: «Меня снова строжайше осудили» (стр. 204). Это типичный «засекречивающий» кагебистский штамп, вроде достопамятных «клеветал на одного из руководителей партии и правительства» (чтобы не сказать: на Сталина), «восхвалял порядки и условия жизни в одной из капиталистических стран» (чтобы не сказать, в какой) и т. п. Упоминание об Оксюзе, о котором ска-

зано, что он дважды был однодельцем Дивнича, позволяет локализовать дату второй судимости — примерно конец 1952 г.

С Борисом Оксюзом я встретился в середине января 1953 г. на Кировской пересылке, где пробыл неполные сутки в общей камере. Меня везли этапом из Ленинграда после второй судимости. Оказалось, у него тоже вторая судимость. Срок — 25 лет.

— *Что у вас?*

— *58-2 (вооруженное восстание)*

— *Вам, конечно, намотали нахально?*

Сам я чувствовал себя «нахально завербованным»: был неосторожен в выборе собеседников и откровенен в высказываниях, но никаких целей агитации перед собой не ставил и о борьбе не помышлял.

Оксюз улыбнулся:

— *Ну нет, я никак не могу сказать, что это было нахально.*

Мы сели за шахматы. Он проиграл несколько партий, из которых одну мог бы спасти или даже выиграть, если бы не уговорил меня взять ход назад: «а то так неинтересно». Выказал сожаление, что меня с моей статьей отправят в обычный лагерь, а не в спецлаг: «там условия тяжелее, но для вас было бы лучше».

Навсегда запомнилось, как ровно, достойно и уверенно держался этот человек, который добровольно вступил в борьбу, сознавая, на что идет и чем рискует.

Дата освобождения Дивнича в книжке не названа. Фраза «Так судьба отделила меня от НТС на 20 лет» (стр. 59) говорит за то, что его выпустили в 1964 г.

* * *

Статья Пирогова начинается воспоминанием о приезде Дивнича в Дубровлаг весной 1965 г. Уже вольный, он там выступал перед эсками — участвовал в «воспитательном мероприятии». Пирогов пишет, что Дивнич «в 1964 году, за пять лет до окончания срока, был освобожден и помилован», а до того «двадцать лет провел почти безвыходно в системе ГУЛага».

У меня здесь вызывает сомнение слово «почти».

* * *

Перечитываю книжку, статью, и снова в памяти моей оживает прежний Дивнич. Но прежнего ореола, обаяния уже нет. Импровизация, подъем, энтузиазм, способные захватить собеседника, бессильны перед читателем, который может вновь вернуться к прочитанному и хладнокровно все взвесить. Да и я уже не тот, что был 35 лет тому назад. Встречал людей, которые тоже боролись с советским строем, но с других, более близких мне позиций и более успешно, чем Дивнич. Усвоил, что готовность людей жертвовать собой ради идей говорит многое об этих людях, но ничего об идеях. Да и самих людей это качество совсем не всегда характеризует хорошо.

Макс Борн* вспоминал, как возмутился его учитель Давид Гильберт*, когда он высказал сожаление, что знаменитое «а все-таки она вертится» — всего лишь красивая легенда:

— Но ведь Галилей не был идиотом! Он ведь знал, что она и в самом деле вертится! С какой же стати ему было подставлять голову?

Еще раньше Эрнест Ренан писал, что, скажем, математику незачем идти на Голгофу, чтобы утвердить новую теорему: ему достаточно представить доказательство. И этим наука, по Ренану, отличается от религии, где утверждение нового учения возможно только через самопожертвование.

Если даже и поверить, будто десятки миллионов людей, на чьих костях построена советская сверхдержава, пожертвовали собою добровольно, то отсюда никак не следует, что они погибали за правое дело.

* * *

Подъем и энтузиазм, которыми проникнута книжка Дивнича, были совсем не «желудочно-кишечного происхождения», как думали слушатели его выступления в Дубровлаге. Под очень многим, написанным в ней, он мог бы подписаться и в 1946 году.

* Макс Борн — создатель большой школы теоретической физики, нобелевский лауреат. Давид Гильберт — глава немецкой математической школы, один из влиятельнейших математиков первой половины XX века.

То же неразборчивое, беспочвенное, но вполне почвенническое превознесение всего русского надо всем западным. Например, песенки «Катюша» (музыка еврея Матвея Блантера) надо всей западной музыкой, в которой он услышал только «похотливые танго и сладострастные фокстроты».

То же преклонение перед силой и сильной властью.

Антиинтеллектуализм — уже не скромный, теоретический, как в Бутырке в беседе со мной, а воинствующий, в действии.

Узнаю прежнего Дивнича в блестящих полемического остроумия и в изворотливости ума, с какой он иной раз подбирает и подгоняет факты и доводы, чтобы доказать то, что хочет утвердить. Но то, что он утверждает, его панегирики советским людям, коммунистам, КПСС, советскому строю и даже... советской лагерной системе — это такое убожество, до какого не опускается даже самая низкопробная советская пропаганда. Какими же клиническими идиотами должен был он считать своих читателей, как глубоко их презирать, чтобы обратиться к ним с такой книжкой! Видимо, Талейран, которым он так восхищался 35 лет тому назад, до конца жизни остался для него образцом. А рассказ Пирогова о его выступлении в Дубровлаге невольно приводит на память строки Тютчева:

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Разбирать подробно почти недоступную читателям маразматическую книжку Дивнича было бы недостойно, как недостойно бить лежачего. Но главный нонсенс, почему-то упущенный Пироговым, необходимо все же отметить. Настойчиво проводя мысль, будто всякая борьба против советского режима — это «подлинное ребячество тогдашнего НТС», «комариный писк» и «тявканье Моськи», Дивнич и его друзья-«соотечественники» нечаянно сами себя разбили наголову. Тем самым они

— либо признали, что КГБ со всем его огромным аппаратом — это абсолютно бесполезная нелепая организация, составленная из профессионально негодных работников, которые только и делают, что палят из пушек по комарам и не умеют отличать их от настоящих врагов;

— либо признали, что «комары» смертельно опасны великой, единой и неделимой сверхдержаве.

Дань первой точке зрения — например, патетическая фраза на стр. 18: «Откуда они (большевики. — В. К.) могли знать, что для них (членов НТС. — В. К.) отцовские розги по мягким местам были уместнее мер сурового закона военного времени молодого государства!» Между прочим, автор «забыл», что «меры сурового закона» столь же рьяно применялись в довоенное и еще более в послевоенное время, но не будем ловить его на мелочах.

Дань второй точке зрения — уподобление себя, протестующего, жалкому пушкинскому Евгению из «Медного Всадника» (стр. 199), соблазн, против которого Дивнич, понятно, устоять не смог.

Тоталитарный советский режим смог одержать победу в войне, хотя ему для этого пришлось положить свыше 10% населения и в том числе 40% действующей армии. Но именно поэтому — чтобы мочь жертвовать такими массами своих граждан — он не может допустить ни малейшей свободы, особенно свободы мысли и слова.

Медный Всадник

...над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы.

На костях «маленьких людей», таких, как Евгений, его

...волей роковой
Под морем город основался.

Пока Евгений безмолвствует,

...обращен к нему спиной
В неколебимой вышине
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Разбушевавшаяся слепая стихия ему нипочем. Но стоило Евгению раскрыть рот — и, чуть заметив проблеск мысли у «маленького человека», Медный Всадник соскакивает со своего пьедестала и всю ночь гоняется за «безумцем бедным» по всему городу. Параллель замечательно точная, хотя и не входившая, без сомнения, в намерения Дивнича.

* * *

Неудивительно, что при тех сведениях, которыми он располагал, С. Пирогов принял конвергенцию за капитуляцию. Действи-

тельное положение вещей было в точности таково, как писал Дивнич на последних страницах своей книжки:

«Оказывается, я давно свыкся с тобой, советская власть, и считал тебя своей. И почувствовал, что люблю тебя в подсознании, когда думал, что я тебя ненавижу» (стр. 207).

«Принимай же меня и ты, советская Родина! Принимай блудного сына с дальнего пути. Дай пристанище! И приняла. Забыла. Простила по-русски, всей душой...» (стр. 208).

Антиинтеллектуализм Дивнича, мешавший ему осознать свою подсознательную любовь, с одной стороны, и неповоротливость и тупость КГБ — с другой, сделали то, что этот идиллический финал трагедии наступил лет на восемь позднее, чем мог бы наступить.

В. В. Шульгин был фигурой несравненно более значительной, чем Дивнич, и не был антиинтеллектуалом. Поэтому процесс конвергенции был у него более скорым и менее болезненным. Он просидел только 12 лет из 25 и был выпущен вскоре после смерти Сталина.

IV

Шульгин сидел в Лефортово примерно тогда же, когда я был в 71-й. Клепнер до суда по второму делу сидел с ним вместе. Но ничего интересного он о Шульгине рассказать не мог: тот беспокоился только о своих нескольких десятках банок консервов, сданных в тюремную кладовую, и никаких разговоров не поддерживал.

*
*
*

До сих пор благодарно вспоминаю совет знакомого кинорежиссера посмотреть фильм «Перед судом истории», в котором главное действующее лицо живой Шульгин.

— Понимаешь, на экране интеллигентный обаятельнейший старик с мягкими манерами. Актер, играющий роль историка, подбрасывает ему какие-то реплики, а Шульгин на их фоне со страшной силой толкает свои монархические идеи. Мы ведь привыкли слушать, когда или просто читают по бумажке, или шпарят наизусть выученное по бумажке. А тут человек создает мысли прямо на глазах изумленной публики.

Во вступительном слове редактор киностудии «Ленфильм» рассказал кое-что о Шульгине и о том, как делалась лента.

— *Шульгину сейчас 87 лет. Он живет во Владимире. Ему дали небольшую отдельную квартиру и государственную домработницу.*

В СССР почти невозможно нанять домработницу частным образом. У домработниц есть специальный профсоюз, их права защищены. Но в этом «государстве трудящихся» обслуживание людей считается делом унизительным, и женщины предпочитают более тяжелую и хуже оплачиваемую работу на производстве. Заполучить государственную домработницу, т. е. государственную служащую, выполняющую труд домработницы, — это совершенно исключительная социальная привилегия, какую имеют только партократы высокого ранга. Известно, например, что когда Аджубей был главным редактором «Известий» и членом ЦК КПСС, у него были две государственные домработницы, работавшие в две смены.

— *Фридрих Эрмлер, старый коммунист, бывший чекист, а затем крупный советский кинорежиссер, хотел снять документальный фильм на историческую тему. Он лежал в институте им. Склифосовского одновременно с Шульгиным. Тот его очаровал, и они договорились снять такой фильм: Шульгин расскажет об исторических событиях, свидетелем которых он был. Подписывая договор с директором киностудии Киселевым, Шульгин сказал:*

«Я, ведь, знаете, зубр, а ваш режиссер какой-то ненадежный, все таблетки глотает, так как бы с ним худо не было».

Работа началась. Шульгин с Эрмлером как встретятся — сразу спор. Переругаются, и Шульгин, разъяренный — к себе в гостиницу, а Эрмлера — в больницу. Час с Шульгиным поспорит — неделю в больнице лежит. У Шульгина масса родственников, раскиданных по всему свету. Мы составили список и когда у кого юбилейная дата. Подберем подходящую дату и — в гостиницу с бутылкой шампанского. «Василий Витальевич, сегодня день ангела такого-то, позвольте с вами распить». Дипломатические отношения восстанавливаются, и все начинается сначала.

Вы должны иметь в виду, что Шульгин не актер. Невозможно заставить его выучить роль или говорить по бумажке. Все, что он говорит, — это его собственные слова.

Если невозможно было заставить Шульгина говорить не его слова, то зато можно было повырезать из ленты его слова. Ясно

чувствовалось, что этой возможностью воспользовались. Но и то, что осталось в фильме, достаточно любопытно.

Шульгин говорит о гражданской войне:

— Это была ужасная, братоубийственная война...

«Историк» перебивает, начинает говорить о зверствах белых, перечислять белых генералов, чьи войска творили эти зверства: «всех не перечесть!»

Шульгин, злющий, сидящий, стиснув руки, наконец, получает слово:

— Да, всех не перечесть. И поэтому я не буду перечислять красных командиров и измерять количество крови, ими пролитой.

О своей книге «Три столицы» Шульгин сказал:

— Во французском издании она называлась «Возрождение России». Но я никогда не отождествлял Россию и русский народ с советской властью и большевиками.

«Историк» говорит о сотрудничестве белой эмиграции с гитлеровцами во время войны.

Шульгин:

— Молодой человек, будьте объективны. Не белая эмиграция, а часть белой эмиграции.

«Историк» говорит о власовцах, демонстрирует кинокадры из хроники, где снят Власов и его сподвижники.

Шульгин:

— Это позор. Я не могу признать этих людей белыми.

Характерно: не «русскими», а «белыми».

Либеральные интеллигенты брезговали даже в руки взять черносотенный «Киевлянин». Помню рассказ покойного Б. П. Александрова, брата нынешнего Президента АН СССР, как расвирепел его отец, увидя в своей приемной номер «Киевлянина», оставленный кем-то из посетителей. Схватил его щипцами и тут же затолкал в печку. А Шульгин в финале даже с гордостью говорит, что издавал этот самый «Киевлянин».

На протяжении всего фильма — ни одного намека на отмежевание от чего бы то ни было из своего прошлого, ни тени раскаяния. И статьи в «Известиях» писал не кающийся грешник, а человек, который увидел, что путь советской власти ему подходит, и пошел по этому пути. Сегодня ясно, что конвергенция Шульгина с советской властью была предсказана еще 60 лет тому назад на последних страницах его книги «1920 год».

* *
*

Коммунисты создали сверхдержаву, намного превосшедшую все, чего сумели достичь цари, правившие Россией. У поборников великодержавия, для которых величие и могущество — синонимы и самоцель или главная цель, нет почвы для идейной борьбы с советской властью, остается борьба лишь за место потеплее да кусок пожирнее. И только в меру своего антиинтеллектуализма, безыдейности и беспринципности могут они выступать против КПСС и советского строя.

И Дивнич, и Шульгин были скроены из добротного человеческого материала. У них хватило мужества и принципиальности пересмотреть свои позиции даже тогда, когда уже не осталось времени исправить итог жизни. И все же они пошли до конца: стали выше личных обид и стали верой-правдой служить той самой советской власти, борьбе с которой столько лет отдавали все силы. И умерли в счастливом неведении, что служили под конец совсем не тому, чего хотели бы. Так и не успели понять, что для коммунистической «империи» внешняя экспансия — не путь к процветанию экономики и демократии в метрополии (как было, скажем, в Англии), а просто единственно возможная форма существования. Что именно и только поэтому «вся-то наша жизнь есть борьба»; «временные трудности» — единственное, что было постоянным за все годы советской власти; победа над Германией привела не к смягчению, но к ужесточению режима; захват Восточной Европы привел не к повышению жизненного уровня советских граждан, но лишь к снижению его в «освобожденных» странах.

* *
*

Сложное чувство вызывают у меня воспоминания о Дивниче. Тут и восхищение силой духа. И досада, что впустую и во вред ушли силы и способности незаурядного человека. И жалость к пострадавшему, но без малейшего сочувствия — этому он научил меня сам. И — надо всем — благодарность. Ибо мудрость моего народа гласит:

Ты был голоден — тебя накормили. Но пройдет время, и голод вернется.

Ты был гол — тебя одели. Но пройдет время, и одежда изнашивается.

Только знание останется при тебе до конца твоей жизни, и ты навсегда должен быть благодарен тому, кто дал тебе знание, кто хоть чему-то научил тебя.

А Дивнич — и при встрече, и посмертно — научил меня многому.

Сентябрь 1980 — январь 1981, Иерусалим

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «РУССИКА»

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

RUSSICA. Литературный сборник № 1. Сост. Юз Алешковский. (Поэзия, проза, публицистика, мемуары, публикации). Ок. 400 стр.

Аркадий Аверченко. Салат из булавок. Рассказы.

Нина Берберова. Железная женщина. Роман-биография. Около 400 стр. \$ 18.50.

Нина Берберова. Курсив мой. Издание второе, исправленное и дополненное. С новым предисловием автора.

Михаил Демин. Блатной. Роман. 364 стр. \$ 18.50.

Зиновий Зиник. Перемещенное лицо. Роман.

Новая неподцензурная частушка. (Название условн.).

Велимир Хлебников. Крыса. Подготовка текста и комментариев д-ра Рональда Врууна.

Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 2. Стихотворения 1916—1922 гг.: «Версты 2». «Лебединый стан». «Стихи к Блоку». «Психея». «Ремесло». Стихи, не вошедшие в сборники.

RUSSICA BOOK & ART SHOP, INC.

799 Broadway, New York, N. Y. 10003.

Тел. (212) 473-7480

(угол Бродвея и 11-й ул., 3-й этаж, комн. 301).